

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЛИ

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы, а также особенностей конституционно-правового статуса субъектов законодательного процесса исследован процесс формирования общей государственной воли в российском законодательстве. Показано, что в основе законодательного процесса лежит не только взаимодействие уполномоченных субъектов законодательного процесса по созданию и согласованию текстов законов, но также воля государства и избирательного корпуса, провозглашенная в ст. 3 Конституции Российской Федерации. Особое внимание в работе уделяется определению роли и функций Apparata Государственной Думы в обеспечении общей государственной воли в российских законах, проведении необходимых экспертиз законопроектов и соблюдения стадий законодательного процесса.

Ключевые слова: Конституция России, законодательный процесс, законодательная инициатива, субъекты законодательной инициативы, формирование общей государственной воли, Apparat Государственной Думы, Правовое управление Apparata, Регламент Государственной Думы.

THE LEGISLATIVE PROCESS AS A FORMATION OF GENERAL GOVERNMENT WILL

Abstract. In the article on the basis of the analysis of scientific literature, as well as the features of the constitutional and legal status of the subjects of the legislative process, the process of formation of the General state will in the Russian legislation is investigated. It is shown that the basis of the legislative process is not only the interaction of the authorized subjects of the legislative process to create and harmonize the texts of laws, but also the will of the state and the electoral corps, proclaimed in article 3 of the Constitution of the Russian Federation. Particular attention is paid to the definition of the role and functions of the state Duma Apparatus in ensuring the General state will in Russian laws, carrying out the necessary examinations of draft laws and compliance with the stages of the legislative process.

Keywords: the Constitution of Russia, legislative process, legislative initiative, subjects of legislative initiative, formation of the General state will, the state Duma Apparatus, Legal management of the Apparatus, Regulations of the State Duma.

О законодательном процессе принято говорить, как о процедуре принятия законов. Но не менее важно рассмотреть его еще и как форму реа-

лизации конституционного принципа народовластия, как процесс формирования общей государственной воли в процедуре принятия закона. Тем более что основные изменения концепции закона в Российской Федерации в настоящее время идут по пути «все большей ассимиляции законодательства с иными социальными регуляторами (мораль, этика, обычаи, традиции, религия), замещения последних правовыми нормативами. Это делает необходимым углубление и расширение не только правовой, но и социально-нравственной, профессиональной, религиозной, культурно-исторической адекватности законопроектов» [1, с. 19].

Данное обстоятельство с особой настоятельностью требует от всех без какого-либо исключения участников законодательного процесса объединения усилий на формирование общей государственной воли не только в процедуре принятия закона, но в еще большей степени — в формулировании его положений.

Этому во многом способствует и правовая природа законодательного процесса, которая зиждется на ряде конституционных принципов. Важнейшими из них являются принципы народовластия, выборности и разделения властей (ст. 3 и 10 Конституции Российской Федерации). В соответствии с конституционным принципом народовластия носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Не случайно поэтому, давая определение понятия Российского парламента, статья 94 Конституции установила, что Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является представительным и законодательным органом Российской Федерации.

Анализируя нормы статьи 94 Конституции, Б.С. Эбзеев справедливо замечает, что она «в этих положениях определенно указывает на две задачи парламента — законодательствование и представительство многонационального народа Российской Федерации» [2, с. 395].

Более того, термин «представительный» в данном понимании указывает как на способ формирования Федерального Собрания, так и на непосредственную форму реализации конституционного принципа народовластия — выборы. Понятие «парламент» говорит об осуществлении депутатами своих полномочий на профессиональной основе и о представительной форме реализации Государственной Думой принципа народовластия. Термином «законодательный» Конституция определяет Федеральное Собрание как орган государственной власти, осуществляющий свои полномочия на основе принципа разделения властей, поскольку в соответствии со

статьей 10 Конституции государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

В разных ветвях государственной власти представлены разные социальные интересы, которые в законодательном процессе могут добиться своей реализации только путем поиска и выработки компромиссных формулировок тех или иных положений закона. Тем самым в законах формируется общая государственная воля.

Видимо, с этим расчетом составители Конституции формулировали положения ее статьи 104, установившей, что право законодательной инициативы принадлежит Президенту России, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

Таким образом, право внести законопроект в Государственную Думу и отстаивать содержащиеся в нем формулировки на всех последующих стадиях законодательного процесса принадлежит Президенту Российской Федерации (через прямые всеобщие выборы и особенности правового статуса он выражает общенациональные и общегосударственные интересы), Совету Федерации, членам Совета Федерации (через особенности формирования палаты, особенности ее правового статуса и статуса ее членов ими выражаются интересы субъектов Федерации), депутатам Государственной Думы (благодаря применению смешанной избирательной системы выборов депутатов нижней палаты парламента, они выражают политико-территориальные и общегосударственные интересы), Правительству, а также, Конституционному Суду и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения (в соответствии с принципом разделения властей указанные органы государственной власти выражают интересы ветвей федеральной государственной власти). В лице законодательных (представительных) органов субъектов Федерации в законодательном процессе представлены интересы законодательной ветви власти субъектов Федерации, а также граждан России, проживающих на их территории.

В этой связи мы солидарны с Б.С. Эбзеевым в том, что «Конституция Российской Федерации одновременно предусматривает рациональную организацию политического процесса и обеспечение политического единства народа в условиях не только разделения властей, но также многопартийности и политического плюрализма» [2, с. 394].

Помимо положений Конституции и Регламента Государственной Думы необходимость формирования общей государственной воли полу-

чила юридическое закрепление в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Например, в постановлениях Конституционного Суда от 01.02.2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона "О политических партиях" в связи с жалобой общественно-политической организации "Балтийская республиканская партия", от 21.12.2005 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобами ряда граждан»¹ указано на необходимость достижения баланса в защите соответствующих конституционных ценностей.

Это означает, что Российское государство — фактор общественного благополучия, основывающегося на принципах социального равенства, солидарности и взаимной ответственности членов общества, которые невозможно в полной мере осуществить, минуя законодательный процесс. Именно «взвешенная социальная политика государства, преследуя цель равномерного содействия благу всех граждан и распределения материальных тягот пропорционально их экономическому потенциалу. Политика социального государства направлена на создание юридических, организационных, экономических условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3, с. 192].

В связи с этим мы разделяем позицию авторов, которые считают, что законодательные органы влияют на развитие Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, определяют компетенцию других государственных органов, способствуют развитию политической и правовой активности граждан. Они участвуют в обеспечении территориальной целостности государства, определении правового статуса его субъектов. Всем этим обусловлена значимость законодательных органов и научных исследований, посвященных их формированию и деятельности.

Но, например, с мнением известного ученого С.А. Авакьяна, который полагает, что парламент может в определенных рамках и формах выполнять задачи объединения, содействия и организационно-методической помощи в отношении нижестоящих представительных органов, разумеется, не покушаясь на их самостоятельность [4, с. 31–32], можно согласиться только частично, поскольку законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Федерации никакими нижестоящими по отношению к Государственной Думе не являются. А будучи законода-

¹ СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

тельными органами, и не могут являться. Это противоречило бы конституционному принципу разграничения предметов ведения и полномочий (ст. 5 Конституции).

Государственная Дума может выполнять и выполняет задачи объединения усилий всех субъектов законодательного процесса в формировании общей государственной воли в процессе принятия закона. В том числе, она оказывает содействие и организационно-методическую помощь в законодательном процессе в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Федерации только своим авторитетом, высокой квалификацией депутатского корпуса и сотрудников аппарата.

Важную роль в обеспечении деятельности субъектов законодательного процесса, в формировании ими общей государственной воли играет Аппарат Государственной Думы. Но данному факту требуется некоторое пояснение, так как формально Аппарат Государственной Думы среди субъектов законодательной инициативы и законодательного процесса не значится. Хотя по мнению некоторых авторов, законотворческий процесс якобы может осуществляться неограниченным кругом лиц (в том числе субъектами права законодательной инициативы, различными элементами гражданского общества, отдельными гражданами и пр.) и охватывать деятельность различных органов и лиц в ходе подготовительных работ, а также в дальнейшем — на различных стадиях законодательного процесса [5, с. 13–20; 6, с. 46–49; 7, с. 186–197].

Другие авторы так же формально подходят к определению состава субъектов права законодательной инициативы. Они чисто механически «суммируют» субъектов права законодательной инициативы, указанных в ст. 104 Конституции Российской Федерации. И в зависимости от количества субъектов Федерации в тот или иной период времени существования Российского государства у них формально получается от 705 до 723 субъектов права законодательной инициативы.

Подобный формальный подход не может с достаточной точностью и полнотой охарактеризовать активность субъектов законодательного процесса в Государственной Думе. Не только потому, что трудно себе представить 170 членов Совета Федерации и 85 представителей законодательных (представительных) органов субъектов Федерации стоящими в очереди с законопроектами для осуществления права законодательной инициативы в Государственную Думу. Но и потому, что среди депутатов Государственной Думы найдутся депутаты, которые за многолетний период пребывания в указанной палате, не только не воспользовались правом законодательной инициативы, но даже ни разу не выступали на пленарном заседании.

Думаю, будет правильно определять состав субъектов законодательной инициативы, указанных в статье 104 Конституции Российской Фе-

дерации не путем их механического «суммирования» в надежде получить впечатляющие цифры, а отношения к ним, как к видам субъектов права законодательной инициативы. Основанием для данного предложения является статистика законодательной деятельности разных видов субъектов законодательной инициативы за относительно продолжительный период времени.

К примеру, И.В. Гранкин отмечает, что законодательные (представительные) органы субъектов Федерации «с 1995 по 2005 год в Государственную Думу внесли 3305 законопроектов. При этом к началу 2006 года на рассмотрении Государственной Думы находилось 2892 проекта, но законами стали всего лишь 110».

Не будем касаться эффективности и качества законопроектной деятельности законодательных органов субъектов Федерации как субъектов права законодательной инициативы — это отдельная тема. Но из приведенных сведений получается, что за 11 лет все субъекты Федерации (суммарно) вносили 300 законопроектов в год. То есть, каждый субъект Федерации вносил в Государственную Думу в среднем по 3,45 законопроекта в год.

Исследуя столь разнообразный круг субъектов законодательной инициативы по количеству и правовому статусу, установленных Конституцией Российской Федерации, их анализ другими исследователями, а также сравнивая столь широкий и разнообразный круг субъектов законодательной инициативы в России с аналогичными положениями зарубежных конституций, мы приходим к неутешительным выводам. Один из них состоит в том, что широкий круг субъектов законодательной инициативы является одной из причин принятия законов с низким качеством их содержания и пробельностью в регулировании, поскольку каждому из субъектов законодательной инициативы нет особой надобности предварительно обсуждать и согласовывать свой вариант текста с другими субъектами.

Чтобы исключить или хотя бы уменьшить масштаб указанного явления, мы предлагаем ограничить круг субъектов законодательной инициативы. Для этого необходимо внести изменение в часть 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции: «Право законодательной инициативы принадлежит Совету Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации. В приоритетном порядке законодательной инициативой обладает Президент Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду, Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения, а законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации — по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов». Аналогичные

изменения необходимо внести в статью 103 Регламента Государственной Думы.

Процедуру законодательного процесса и качество принимаемых федеральных законов можно было бы улучшить не только путем внесения изменений, отмеченных в предыдущем абзаце, но и изменением порядка реализации законодательной инициативы. Имеется в виду своеобразное уменьшение количества единоличных субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, нацеленное на повышение качества содержания вносимых законопроектов.

Мы солидарны, например, с тем, что отмечают авторы учебного пособия «Законодательный процесс в зарубежных странах»: в целом ряде государств право законодательной инициативы принадлежит не отдельно взятым депутатам, как в России, а группе депутатов определенной численности. В разных государствах численность таких групп депутатов может быть разной, но это обязательно группа, а не отдельный депутат.

В Германии для выдвижения законопроекта из среды бундестага необходима поддержка со стороны той или иной фракции или, по меньшей мере, 5 процентов депутатов (30 человек), во Франции — 60 депутатов Национального собрания или 60 сенаторов, в Латвии — группы депутатов в количестве не менее 5 человек, в Китае — группы депутатов в количестве 30 человек, в Японии группы депутатов в количестве не менее 20 человек Палаты представителей и не менее 10 членов Палаты советников и так далее.

Подобные требования регламентов палат парламентов не только «уменьшают» количество субъектов законодательной инициативы путем их объединения в группы определенной численности, но и требуют предварительного согласия с содержанием предлагаемого в качестве законодательной инициативы законопроекта. Сказанное требует определенной консолидации, в то же время свидетельствует об определенной социальной поддержке законопроекта. Более того, в конечном счете, это может положительно отразиться не столько на скорости согласования его содержания при обсуждении в палатах и комитетах, создаваемых палатами, сколько на процессе формирования общей государственной воли и процедуре принятия закона. Указанная консолидация может повысить как скорость согласования его содержания при обсуждении в палатах и комитетах в ходе парламентских чтений и процесса формирования общей государственной воли в единой процедуре принятия закона, так и в последующем — эффективность реализации принятого таким образом закона.

Некоторые авторы предпринимают попытку классификации субъектов законодательного процесса (в зависимости от его стадии и степени выражения их воли): одни из подобных субъектов выражают ее «в активной

или пассивной форме», другие могут, но не обязаны это делать, что дает возможность классифицировать их на обязательные и возможные (допустимые) субъекты законодательного процесса.

Исходя из анализа указанных научных позиций, мы не можем согласиться с авторами, утверждающими, что законотворческий процесс может осуществляться неограниченным кругом лиц, поскольку они участвуют в нем не по своей воле, а на основании положений соответствующего законодательства, что, естественно, ограничивает и их состав, и степень участия в законодательном процессе. По этому вопросу можно говорить только об относительно ограниченном круге субъектов законодательного процесса.

Относительно предложения о классификации субъектов на обязательных и возможных (допустимых), считаем, что данная позиция лишена достаточных юридических оснований, поскольку в соответствии со статьей 104 Конституции Российской Федерации ни один из приведенных в ней субъектов законодательной инициативы не может быть однозначно отнесен к числу обязательных. Каждый из них участвует в законодательном процессе по своей воле, в той степени и в то время, какое сочтет для себя удобным. Более того, не ясно: кто такие возможные (допустимые) субъекты законодательного процесса, и кто, на каком основании и по каким критериям, допускает их в законодательный процесс?

На основании анализа российского законодательства и научных публикаций по указанной теме мы предлагаем классифицировать субъекты законодательного процесса, исходя из их места и роли в законодательном процессе, то есть на первичные и производные. В первую категорию субъектов следует включить субъекты, перечисленные в статье 104 Конституции, а в число производных субъектов целесообразно включить те органы, которые учреждаются субъектами законодательной инициативы для участия в законодательном процессе от их имени и по их поручению.

Предложенная классификация субъектов законодательной инициативы не только позволяет объяснить различие их правового статуса и особенности участия в законодательном процессе, но и дает возможность показать правомерность участия в нем Аппарата Государственной Думы, исходя из того, что он реально и весьма активно в нем участвует.

Но в том-то и парадокс, что с одной стороны, органы государственной власти, указанные в статье 104 Конституции как субъекты законодательной инициативы (и законодательного процесса), принимают в законодательном процессе только политические решения по соответствующим вопросам в конкретной стадии законодательного процесса. С другой, — Аппарат Государственной Думы, формально не являясь субъектом законодательного процесса, выполняет основную юридическую, организационно-техническую, консультативную, экспертную работу с тем, чтобы политическая воля указанных органов государственной власти — субъектов

законодательной инициативы — превратилась в реальные тексты законов и приобрела действительную юридическую силу².

Кроме того, специфика участия Аппарата Государственной Думы в законодательном процессе проявляется еще и в том, что, являясь производным государственным органом, он напрямую зависит от воли создающего его органа законодательной власти и самостоятельного участия в законодательном процессе не принимает.

Например, в соответствии с пунктами «г» и «д» статьи 11 Регламента Государственной Думы Председатель палаты осуществляет общее руководство деятельностью Аппарата Государственной Думы: назначает на должность и освобождает от должности Руководителя Аппарата Государственной Думы с согласия Совета Государственной Думы и по представлению Комитета Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы; назначает на должность и освобождает от должности первого заместителя Руководителя Аппарата и заместителей Руководителя Аппарата Государственной Думы по представлению Руководителя Аппарата Государственной Думы.

О роли Аппарата Государственной Думы свидетельствует, например, то, что, несмотря на отсутствие в ее Регламенте специального раздела, посвященного аппарату Государственной Думы, тем не менее, в его тексте Аппарат Государственной Думы упоминается 142 раза, а Правовое управление Аппарата Государственной Думы — 46 раз³.

В соответствии с пунктом 1 Положения об Аппарате Государственной Думы Аппарат палаты является постоянно действующим органом Государственной Думы, осуществляющим правовое, организационное, документационное, аналитическое, информационное, финансовое, материально-техническое, социально-бытовое обеспечение деятельности депутатов, депутатских объединений, Совета, комитетов и комиссий Государственной Думы, ее Председателя, первых заместителей Председателя, Руководителя Аппарата Государственной Думы и работников Аппарата⁴.

Регламентом Государственной Думы закрепление роли Аппарата и его Правового управления, к сожалению, сведено к минимуму. В соответствии с пунктом 6 статьи 94 правовая и лингвистическая экспертизы проекта

---

² Например, за время работы Государственной Думы второго созыва проведена экспертиза более 4,5 тысячи законопроектов и 5,2 тысячи проектов постановлений, обращений и заявлений. Число обращений к базе данных Правового управления, насчитывающей более 60 тысяч нормативных актов Российской Федерации и ее субъектов, за этот период составило более 17 тысяч. В порядке правового содействия депутатам, депутатским объединениям, комитетам и комиссиям Государственной Думы по вопросам подготовки законопроектов и проектов других актов, принимаемых палатой, Правовое управление провело более 1000 консультаций и представило более 600 тематических подборок по законодательству. // <http://duma2.garant.ru/apparat/prav.htm> (дата обращения: 21.09.2018).

³ <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 22.07.2018).

⁴ <http://www.gosduma.net/structure/machinery/status/> (дата доступа: 04.08.2018).

постановления Государственной Думы должны быть проведены не позднее, чем в трехдневный срок со дня поступления в Правовое управление письма о проведении указанных экспертиз. При отсутствии замечаний правового и лингвистического характера на проект постановления Государственной Думы, а также на проекты документов, которые принимаются или утверждаются постановлениями Государственной Думы, Правовое управление заключений не готовит. На указанных документах проставляется отметка (делается запись) об отсутствии замечаний за подписью начальника Правового управления либо одного из его заместителей⁵.

Видимо, это является одной из основных причин, отмечаемых в современной юридической литературе, приводящих к неустойчивости законодательства. Например, Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления» «порядка 120-и раз подвергался изменениям и дополнениям»; характеризуется «наличием пробелов и неопределенности, порождающих проблемы», недостаточным финансированием, бесконтрольностью и отсутствием методического обеспечения. Некоторые авторы выделяют другие причины указанного негативного явления: «В системе органов государственной власти Российской Федерации имеет место специфическая особенность — властная «асимметрия», присущая только для Российской Федерации, которая выражается в существовании над «классической» властной триадой «президентской власти». Укрепление «вертикали» государственной власти в последний период времени привело к усилению этой «асимметрии», укрепив, в основном, «президентскую вертикаль власти». ...В этих условиях Президент Российской Федерации фактически исполняет роль направляющего, контролирующего и координирующего системного центра для органов государственной власти Российской Федерации».

С подобным утверждением вряд ли можно согласиться. Во-первых, потому, что объективно в соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 13.04.1996 г. № 549 организация взаимодействия структурных подразделений Администрации Президента в законодательном процессе гораздо выше, чем в Правительстве Российской Федерации и в Государственной Думе. И именно более качественная и слаженная работа структурных подразделений Администрации Президента позволяет ему положительно влиять на результаты законодательного процесса, а не мнимая властная «асимметрия», которая якобы присуща только для России.

Во-вторых, законодательный процесс является производным от общей системы организации государственной власти, на которую влияет мно-

⁵ <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (режим доступа: 04.08.2018).

жество более значимых факторов, чем на отдельно взятых субъектах законодательного процесса. Таких, например, как форма правления, избирательная и партийная системы, результаты голосования избирателей и пр. В связи с этим можно согласиться с тем, что в настоящее время основным фактором, оказывающим влияние на доминирование Президента (кстати, не только в России), является объективно складывающийся государственный режим.

Поэтому предлагаю классифицировать участников законодательного процесса, исходя из способа их участия в указанном процессе, на два вида: единоличные (Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации) и коллегиальные (Правительство, Конституционный Суд Российской Федерации и др.). Во-первых, потому что действующее законодательство по-разному регламентирует способы реализации ими права на участие в законодательном процессе. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 105 Регламента Государственной Думы при внесении законопроекта субъектом законодательной инициативы — коллегиальным органом (Советом Федерации, Правительством Российской Федерации, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Федерации и т.д.) должно быть представлено решение соответствующего коллегиального органа о внесении законопроекта с указанием представителя субъекта права законодательной инициативы в Государственной Думе по данному законопроекту.

Это означает, что осуществлению права законодательной инициативы коллегиальным органом должно предшествовать его официальное заседание с соблюдением требований о кворуме и других процедур по принятию решения относительно содержания вносимого законопроекта, назначение официального представителя, которому поручено представлять коллегиальный орган в Государственной Думе и так далее, в то время как единоличным (индивидуальным) субъектам законодательной инициативы — Депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, соблюдать подобные требования нет необходимости. К тому же, Регламент Государственной Думы по-разному регулирует работу Аппарата Государственной Думы и его структурных подразделений с указанными выше видами субъектов законодательного процесса.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что участие в законодательном процессе как Аппарата Государственной Думы, так и его структурных подразделений, особенно Правового управления Аппарата, позволяет решить две задачи. Во-первых, поможет обеспечить организационно-правовыми средствами процесс формирования субъектами законодательного процесса общей государственной воли через организацию их взаимодействия в процедуре принятия закона.

Во-вторых, позволит в значительной степени повысить профессионализм подготовки, экспертизы и согласования текстов нормативных правовых актов и других важных документов, выходящих из стен Федерального Собрания Российской Федерации, что может положительно сказаться на качестве содержания принимаемых документов.

Список литературы

1. Синуков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 18–27.
2. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.; Норма, 2013.
3. Эбзеев Б.С., Осавелюк А.М. Основы Конституции Российской Федерации: учебное пособие / под общ. ред. Б.С. Эбзеева. М.: Проспект, 2016.
4. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России / С.А. Авакьян. М.: Российский издат. дом, 1999.
5. Разбаш О.Н. Федеральные законотворческий и законодательный процессы в современном российском конституционализме: единство и эволюция принципов // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 13–20.
6. Хамуков А.В. Разработка концепции законопроекта как ключевая стадия законотворческого процесса // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 46–49.
7. Осавелюк А.М. Форма правления и государственный режим: проблема эффективности законотворчества // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 186–197.